

RU

Кризис социально-политического прогнозирования в условиях цифрового слома: инфраструктурно-алгоритмический горизонт ожиданий

Аликов Ю. А.

Аннотация. Цель исследования – показать, что ограниченность крупных прогностических моделей конца XX – начала XXI века связана не только с ошибками отдельных авторов, но и с изменением самой политической реальности. В статье рассматривается кризис социально-политического прогнозирования в условиях цифровой трансформации; анализируются модель мирового порядка Г. Киссинджера, геостратегическая конструкция З. Бжезинского и тезис Ф. Фукуямы о «конце истории». В статье цифровой слом рассматривается как изменение условий социально-политического предвидения. Государство, территория, идеология и гражданин сохраняют значение как традиционные координаты прогноза, однако политическое будущее всё заметнее опосредуется платформенной коммуникацией, массивами данных и алгоритмическими режимами видимости. Научная новизна исследования состоит в уточнении понятия инфраструктурно-алгоритмического горизонта ожиданий. В результате выделены четыре уровня кризиса прогнозирования: темпоральный, субъектный, публично-коммуникативный и суверенный.

EN

The crisis of socio-political forecasting in the context of the digital rupture: the infrastructural-algorithmic horizon of expectations

Y. A. Alikov

Abstract. The aim of the study is to demonstrate that the limitations of major prognostic models of the late 20th and early 21st centuries are due not only to the errors of individual authors but also to changes in the very political reality. The article examines the crisis of socio-political forecasting amid digital transformation and analyses Henry Kissinger's model of world order, Zbigniew Brzezinski's geostrategic construct, and Francis Fukuyama's thesis of the "end of history". The digital rupture is treated as a change in the conditions of socio-political anticipation. The state, territory, ideology, and the citizen remain important traditional coordinates of forecasting, yet the political future is increasingly mediated by platform communication, large datasets, and algorithmic regimes of visibility. The scientific novelty of the study lies in clarifying the concept of the infrastructural-algorithmic horizon of expectations. Four levels of the forecasting crisis are identified: the temporal, the subject, the public-communicative, and the sovereign.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что современные общества располагают беспрецедентными объёмами данных, однако всё с большим трудом выстраивают образ будущего как поля совместного политического действия. Политика не сводится к администрированию текущих процессов: она неизбежно включает образ возможного порядка, рисков, которых общество стремится избежать, и субъекта, способного действовать в историческом времени. Если этот образ утрачивает чёткость, прогностическая деятельность всё чаще превращается в реакцию на череду кризисов.

Период конца XX – начала XXI века стал временем крупных прогностических конструкций. Г. Киссинджер (2014) рассматривал мировой порядок через призму баланса сил, дипломатического равновесия и вестфальской традиции суверенитета. З. Бжезинский (1999) представлял мировую политику в виде борьбы за доминирование на евразийском континенте. Ф. Фукуяма (2004) сформулировал философско-историческую схему постбиполярного периода: в ней либеральная демократия после краха коммунистической альтернативы становится окончательным рубежом идеологического развития человечества.

В первые десятилетия XXI века эти модели не исчезли из интеллектуального оборота, но их объяснительная сила стала заметно ограниченной. Баланс сил, геополитическое пространство и вопрос легитимности по-прежнему важны. Тем не менее их уже недостаточно, чтобы охватить всю архитектуру современной политической действительности. Власть реализуется не одними лишь государствами, территориями и идеологиями. Всё большее значение получают цифровые инфраструктуры, алгоритмы, платформы, массивы данных, каналы видимости и механизмы управления вниманием.

При этом цифровой слом не следует понимать как внезапное начало всех современных кризисов. Под цифровым сломом понимается структурный сдвиг в способах формирования представлений о политическом будущем. Он связан с ускорением коммуникаций, зависимостью институтов от данных и переносом социальных практик в сетевую среду. Этот сдвиг далее рассматривается через четыре уровня кризиса прогнозирования: темпоральный, связанный с изменением восприятия будущего; субъектный, раскрывающий переход от гражданина к пользователю; публично-коммуникативный, затрагивающий платформенную публичность; и суверенный, связанный с цифровой инфраструктурой власти. Поэтому речь идёт не о сбое цифровых технологий, а об изменении условий, в которых общество воспринимает будущее, действует политически и выстраивает институты прогнозирования.

Объектом исследования выступает социально-политическое прогнозирование в условиях цифровой трансформации. Предметом является изменение философских условий, в которых современное общество мыслит политическое будущее. Гипотеза исследования состоит в том, что кризис прогнозирования связан не только с дефицитом данных или ошибками экспертных моделей, но с изменением прогностической онтологии общества: власть, субъектность, публичность и суверенитет всё чаще опосредуются цифровыми инфраструктурами, платформами, алгоритмами и режимами управления вниманием.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить пределы прогностических моделей Г. Киссинджера, З. Бжезинского и Ф. Фукуямы;
- раскрыть темпоральное измерение кризиса прогнозирования;
- описать переход от гражданина к пользователю как трансформацию политической субъектности;
- показать влияние платформенной публичности на общую реальность;
- определить значение цифрового суверенитета для современной прогностической онтологии.

Под прогностической онтологией в статье понимается совокупность базовых представлений о том, кто способен действовать в истории, где локализована власть, какие институты обладают устойчивостью и какие формы знания считаются достаточными для политического предвидения. Под инфраструктурно-алгоритмическим горизонтом ожиданий понимается такая конфигурация политического будущего, в которой ожидания, риски, решения и формы коллективного действия формируются не только через идеологии, институты и экспертные прогнозы, но также через цифровые платформы, алгоритмы, данные, инфраструктуры и режимы управления вниманием.

Методологическую основу статьи составляет социально-философский анализ. Историко-философский подход используется для рассмотрения кризиса будущего через категории исторического времени, горизонта ожиданий и презентизма. Критическая теория общества даёт возможность исследовать социальное ускорение, отчуждение, перестройку публичной сферы и модификацию властных форм. Политико-философский ракурс задействован при изучении суверенитета, легитимности, демократического участия и положения политического субъекта. Инфраструктурный подход позволяет рассматривать цифровые платформы, облачные сервисы, алгоритмы и данные не как нейтральные технические средства, а как условия политического действия.

Материалом для исследования послужили крупные социально-политические и политико-философские прогностические модели конца XX – начала XXI века, а также иллюстративные кейсы включения цифровой инфраструктуры в политическую власть. К таким кейсам относятся Cambridge Analytica как пример электро-поведенческого измерения цифрового прогнозирования; интернет-шатдауны как репрессивно-коммуникационное измерение цифрового контроля; ситуация с Facebook* в Мьянме как публично-аффективное измерение платформенной власти; интеграция частных технологических платформ в государственное управление как суверенно-инфраструктурное измерение цифрового слома.

Теоретическую базу исследования составляют работы по философии исторического времени, критической теории общества, политической философии цифровой власти и исследованиям цифрового суверенитета. Философское осмысление будущего опирается прежде всего на анализ исторического времени. Р. Козеллек (Koselleck, 2004) рассматривал модерность через напряжение между «пространством опыта» и «горизонтом ожиданий»; политическую значимость будущее обретает в тот момент, когда оно перестаёт воспроизводить прошлое и раскрывается как пространство человеческого действия. Ф. Артог (Hartog, 2015) охарактеризовал новейшую темпоральность категорией презентизма, то есть таким режимом историчности, в котором настоящее подчиняет себе и прошлое, и будущее. Х. Роза (Rosa, 2013) связал позднемодерный кризис с социальным ускорением и десинхронизацией институтов, технологий и субъективной жизни.

В российской политико-философской дискуссии близкую проблему ставит С. Ф. Черняховский (2025), анализируя кризис проектно-прогностической способности современной западной политической философии. Для данной работы эта постановка проблемы принципиальна не в качестве локальной критики западной интеллектуальной традиции, а как свидетельство более масштабного сдвига: будущее уходит из сферы коллективного проектирования и всё чаще предстаёт набором рисков, нуждающихся в оперативном управлении.

Проблема власти в условиях цифровой трансформации восходит к классическим работам М. Фуко (Foucault, 1995) о дисциплинарных механизмах модерна и Ж. Делёза (Deleuze, 1992) об обществах контроля. Эти идеи развиваются в трудах А. Рувруа и Б. Стиглера (Rouvrouy, Stiegler, 2016), где «алгоритмическая гегемонность» трактуется как власть, оперирующая данными, профилями и вероятностными оценками, а не исключительно осознанной волей индивида.

Кризис либеральной демократии и публичной сферы рассматривается в поздних работах Ю. Хабермаса (Habermas, 2023) о новой структурной трансформации публичности, а также в исследованиях Ш. Зубофф (Zuboff, 2019) о надзорном капитализме. В отечественной исследовательской литературе проблему гражданина в цифровых потоках анализирует А. И. Соловьёв (2022). Он показывает, что цифровизация изменяет не одни лишь технические каналы связи, но и политико-культурные предпосылки гражданского действия (Соловьёв, 2022).

Отдельное место занимают исследования цифрового суверенитета, поликризиса и платформенной власти. М. Лоуренс, Т. Хомер-Диксон и их соавторы (Lawrence, Homer-Dixon, Janzwood et al., 2024) рассматривают глобальный поликризис как причинное переплетение кризисов разных систем. Р. Громан и А. Коста Барбоза (Grohmann, Costa Barbosa, 2026) показывают, как крупные технологические корпорации вовлекаются в переопределение цифрового суверенитета через облачные инфраструктуры. Российский контекст цифрового суверенитета раскрывается в работах Т. А. Кулаковой и А. В. Волковой (2023), а также С. В. Володенкова и С. Н. Федорченко (2025).

Проблематику цифрового конституционализма и участия в алгоритмическом обществе разработал И. А. Кравец (2024), который связывает цифровое гражданство, алгоритмическую власть и публично-правовую коммуникацию. Данное направление значимо для настоящей работы, так как даёт возможность перевести анализ с диагностики цифрового контроля на обсуждение вероятных нормативных альтернатив.

Современные исследования цифрового контроля показывают двойственный характер алгоритмической власти. С одной стороны, цифровая инфраструктура расширяет возможности наблюдения, управления и принуждения. С другой стороны, она не порождает тотально всевидящее государство, поскольку предиктивные системы обусловлены качеством данных, институциональной средой и адаптивными стратегиями граждан (Anastasopoulos, Lian, 2026). Это уточнение принципиально. Задача статьи не в том, чтобы описать цифровую власть как уже завершённую тотальную систему, а в том, чтобы показать изменение самого горизонта политического действия.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения предложенной четырёх-уровневой схемы при анализе цифрового суверенитета, платформенной публичности, алгоритмического управления и кризисов демократического участия. Теоретическая значимость работы связана с уточнением категориального аппарата социально-политической философии будущего: понятия прогностической онтологии и инфраструктурно-алгоритмического горизонта ожиданий позволяют описывать цифровую трансформацию не только как технологический, но и как политико-философский процесс.

Обсуждение и результаты

Кризис прогнозирования будущего становится понятнее, если рассматривать его не как внезапный провал аналитики, а как результат изменения тех координат, в которых вообще строилось политическое мышление конца XX – начала XXI века. Киссинджер (2014), Бжезинский (1999) и Фукуяма (2004) предлагают три разные версии будущего: порядок, пространство и финальность. Киссинджер (2014) представляет международную систему как неустойчивое равновесие сил, сохраняемое благодаря дипломатическому учёту разнообразных интересов. Бжезинский (1999) трактует будущее сквозь призму контроля над пространством, прежде всего над евразийским. Фукуяма (2004) связывает будущее с проблемой легитимности, полагая, что либеральная демократия стала наиболее универсальной формой позднего модерна.

Для уточнения пределов этих моделей можно выделить их базовые прогностические координаты. У Г. Киссинджера (2014) центральной категорией выступает порядок, основанный на балансе сил, дипломатическом равновесии и признании различия политических традиций. У З. Бжезинского (1999) ключевой категорией становится пространство, прежде всего евразийское, контроль над которым определяет конфигурацию глобального лидерства. У Ф. Фукуямы (2004) центральной категорией является легитимность: либеральная демократия мыслится как финальная форма идеологической эволюции. Соответственно, каждая модель предполагает своего основного субъекта: государство-дипломата у Киссинджера (2014), геостратегическую сверхдержаву у Бжезинского (1999) и рационального гражданина либеральной демократии у Фукуямы (2004). Их общий предел в цифровую эпоху состоит в том, что власть всё чаще распределяется не только между государствами, территориями и идеологиями, но также между инфраструктурами, платформами, алгоритмами и потоками данных.

Эти модели не стоит отвергать как полностью устаревшие. Их значение состоит в том, что они фиксируют реальные измерения политики: порядок, пространство и легитимность. Вместе с тем все три подхода опираются на политическую онтологию индустриального модерна: в ней государство сохраняет роль ведущего актора, территория служит главным полем власти, а гражданин понимается как субъект публичной жизни. Цифровая эпоха не отменяет эти ориентиры, однако превращает их в недостаточные. Государство сохраняет юридический суверенитет, но всё больше зависит от инфраструктур, которые ему не принадлежат. Территория остаётся значимой, однако власть осуществляется также через облачные сервисы, спутниковые системы,

платформы и алгоритмы. Гражданин сохраняет формальные права, но его политическое поведение всё заметнее структурируется режимом пользователя.

На этом уровне каждая из трёх моделей сталкивается не просто с внешним опровержением, а с изменением политической среды. Киссинджерская модель сохраняет значение в вопросах дипломатии и равновесия, но её предел проявляется там, где на первый план выходят акторы вне классической вестфальской рамки. Бжезинский (1999) оказался точен в понимании значения пространства, однако его геостратегическая конструкция не учитывала возникновение иных «игровых досок»: киберпространства, облачных инфраструктур, алгоритмической пропаганды и платформенной публичной среды. Власть теперь проходит не только через территории и ресурсы, но и через данные, чипы, спутники, цифровые стандарты и каналы видимости.

Наиболее уязвимой стала конструкция Фукуямы (2004). Его тезис о «конце истории» исходил из того, что либеральная демократия стала финальной формой идеологической эволюции. Однако либеральная демократия требует субъекта, который умеет публично рассуждать, соблюдать установленные процедуры, отличать аргумент от манипуляции, принимать поражение и участвовать в создании общего блага. Ограниченность фукуямовской конструкции проявилась не только в возвращении конфликтов и идеологических альтернатив, но и в трансформации самого субъекта либеральной демократии. Гражданин не исчез, но всё чаще действует в режиме пользователя, чьё внимание модулируется платформами, а поведение переводится в данные. Цифровой популизм, постправда, фрагментация публичной сферы и алгоритмическое управление вниманием подрывают не только либеральные институты, но и антропологическую предпосылку либеральной демократии.

Для дальнейшего анализа важно уточнить, что цифровой слом не является единичным технологическим событием. В соответствии с данным выше определением, его следует понимать как изменение прогностической онтологии общества. В современной политической философии такая онтология строилась вокруг государства, гражданина, идеологии, территории и прогресса. В цифровую эпоху к ним добавляются платформы, алгоритмы, данные, облачная инфраструктура и управление вниманием. Поэтому кризис прогнозирования связан не только с тем, что прежние теории ошиблись в конкретных предсказаниях. Он связан с тем, что изменилась сама реальность, для которой эти теории создавались.

Переход к цифровой политической реальности затрагивает не только институты и акторов, но и само переживание времени. В рамках социально-политической философии будущее не сводится к чисто хронологической категории. Оно воплощает способность общества соединять опыт, действие и ожидание. Модерн был эпохой будущего. Его идеологии различались, но большинство из них сохраняло веру в направленность истории: прогресс, освобождение, модернизацию, рационализацию. Современная эпоха ослабляет эту структуру. Артог (Hartog, 2015) описывает её как презентизм, то есть как режим историчности, в котором настоящее постепенно подчиняет себе прошлое и будущее. Будущее всё чаще мыслится как пространство риска: климатического, технологического, демографического, военного, экономического.

Х. Роза (Rosa, 2013) связывает этот процесс с социальным ускорением: технологии, рынки и коммуникации меняются быстрее, чем право и политические институты. Возникает десинхронизация: инновации внедряются раньше, чем общество успевает выработать нормы их регулирования; информационные потоки распространяются быстрее, чем институты способны проверять их достоверность; политические решения всё хуже вписываются в долгосрочный проект. Прогнозы не исчезают, но их статус меняется: они всё меньше связаны с образом желаемого будущего и всё больше превращаются в управление рисками.

Именно здесь возникает то, что можно назвать инфраструктурно-алгоритмическим горизонтом ожиданий. У Р. Козеллека (Koselleck, 2004) горизонт ожиданий связан с исторической способностью общества воображать будущее как отличное от прошлого. В условиях цифрового слома этот горизонт уже не формируется только через идеологии, программы партий, экспертные прогнозы или государственные стратегии. Он всё чаще проходит через цифровые среды, где будущее представлено как совокупность рисков, сценариев, рейтингов, прогнозных моделей и поведенческих вероятностей. Алгоритм не создаёт политическую цель, но он влияет на то, какие угрозы становятся видимыми, какие события получают внимание, какие реакции кажутся естественными и какие решения воспринимаются как рациональные. В этом смысле цифровая инфраструктура не просто обслуживает прогнозирование. Она становится частью того горизонта, внутри которого общество начинает мыслить возможное.

В этом пункте проясняется взаимосвязь темпорального сдвига и кризиса политического воображения. С. Ф. Черняховский (2025) ставит сходную проблему относительно новейшей западной политической философии, фиксируя кризис проектно-прогностического потенциала. Для настоящего исследования этот тезис важен как указание на более широкий сдвиг: будущее перестаёт выступать предметом коллективного политического проектирования и превращается в совокупность угроз, требующих текущего администрирования. Общество ещё способно считать риски, но ему становится труднее формулировать цели. Иначе говоря, кризис прогнозирования связан не только с аналитическими сбоями, но и с обеднением языка, через который будущее может быть описано как предмет свободы и ответственности.

Эта трудность усиливается в ситуации поликризиса. Понятие поликризиса позволяет описать положение, в котором кризисы разных систем соединяются через общие стрессоры, домино-эффекты и межсистемные обратные связи (Lawrence, Homer-Dixon, Janzwood et al., 2024). Быстрые события, например война, пандемия, финансовый шок или технологический сбой, накладываются на медленные структурные напряжения: климатические изменения, неравенство, демографические сдвиги, институциональное недоверие и инфраструктурную

зависимость. Классический прогноз предполагает относительно устойчивую цепочку: причина порождает следствие. В поликризисе следствие само становится новой причиной. Война влияет на энергетику, энергетика влияет на инфляцию, инфляция влияет на доверие к институтам, кризис доверия влияет на выборы, выборы влияют на внешнюю политику, внешняя политика влияет на новые конфликты.

В этих условиях цифровая инфраструктура перестаёт быть техническим фоном и становится одним из конфликтных полей мировой политики. Freedom House (2025) отмечает пятнадцатый год подряд снижение глобальной интернет-свободы. Access Now и коалиция #KeepItOn зафиксировали 313 интернет-шатаунов в 52 странах в 2025 году, что стало максимальным показателем с начала систематического мониторинга в 2016 году (Access Now, 2026). Эти данные показывают, что цифровая среда уже не является внешним фоном политики. Она становится пространством управления, давления, мобилизации и подавления. Поэтому прежние прогностические модели оказываются недостаточными не только потому, что не учитывали отдельные события. Они работали с крупными структурами: государством, территорией, идеологией, балансом сил. Поликризис же разворачивается на пересечении этих структур с климатом, технологиями, миграцией, платформенной мобилизацией, вниманием и коллективными аффектами.

Дальнейший анализ требует перейти от вопроса о времени к вопросу о власти. Цифровой слом нельзя понять, если рассматривать технологии как нейтральные инструменты. С социально-философской точки зрения они выступают формами организации власти. Фуко (Foucault, 1995) показал, что современная власть производит нормы, дисциплины и субъектов. Делёз (Deleuze, 1992) описал переход к обществу контроля, где власть действует непрерывно и распределённо, модулируя поведение. Цифровая среда радикализует эту логику. Контроль проявляется не только как запрет или приказ, но и как рекомендация, рейтинг, скоринг, персонализированная лента, интерфейс выбора.

А. Рувруа и Б. Стиглер (Rouvrou, Stiegler, 2016) описывают это как «алгоритмическую гвернаментальность»: власть обращается не столько к субъекту как носителю воли, сколько к данным, профилям, корреляциям и вероятностям. Классическая политика обращалась к гражданину, которого необходимо убедить, мобилизовать или подавить. Алгоритмическая власть всё чаще взаимодействует с цифровой тенью субъекта: его следами, реакциями, предпочтениями и паттернами поведения. Так возникает переход от дисциплинарной власти к власти предиктивной, работающей не только с поступком, но и с вероятностью поступка.

На уровне политической экономии эта трансформация получает выражение в надзорном капитализме. Ш. Зубофф (Zuboff, 2019) описывает цифровую экономику как порядок, в котором человеческий опыт становится сырьём для извлечения поведенческих данных, превращаемых затем в продукты прогнозирования и модификации поведения. С философской точки зрения здесь прослеживается линия от Марксова отчуждения к отчуждению цифровому. Человек теряет контроль не только над продуктом труда, но и над собственным поведенческим профилем. Этот профиль присваивается платформами, обрабатывается алгоритмами и превращается в ресурс власти.

Кейс Cambridge Analytica стал ранним символом такой трансформации. Его значение не в том, что выборы можно механически «взломать» микротаргетингом. Важнее другое: политика стала рассматривать избирателя как поведенческий объект, носителя данных, страхов, привычек, эмоциональных триггеров и уязвимостей. В отчёте британского Information Commissioner's Office указывалось, что через приложение Global Science Research могли быть собраны данные до 87 млн пользователей Facebook* по всему миру, включая около 1 млн пользователей в Великобритании (Information Commissioner's Office..., 2018). В этом замещении гражданина цифровым профилем заключён один из ключевых симптомов кризиса либерального проекта. Демократия предполагает субъектов, способных к публичному рассуждению. Надзорный капитализм заинтересован в другом: в предсказуемости, вовлечении и управляемости поведения.

Поэтому кризис либеральной демократии в цифровую эпоху нельзя свести к кризису институтов. Либеральная демократия предполагает выборы, парламент, суды, партии, свободные медиа. Но она также предполагает определённый тип субъекта: гражданина, способного к публичному рассуждению, признанию процедур и участию в формировании общего блага. Цифровая среда переводит его в иной режим существования, режим пользователя. Пользователь реагирует на поток стимулов, его внимание становится объектом конкуренции, а эмоции превращаются в ресурс вовлечения. Политическая коммуникация начинает всё меньше напоминать публичное рассуждение и всё больше – борьбу за захват внимания.

Дж. Хабермас (Habermas, 2023) в работе о новой структурной трансформации публичной сферы обращает внимание на то, что цифровые медиа меняют условия демократической коммуникации. Формально публичная сфера расширяется: говорить может почти каждый. Но фактически она фрагментируется, эмоционализируется и попадает в зависимость от платформенной архитектуры. Не всякая коммуникация создаёт публичность. Публичность возникает там, где есть общая реальность, общие факты, процедуры аргументации и минимальное доверие к правилам спора. Цифровая среда часто производит обратное: множество параллельных реальностей, каждая из которых поддерживается собственной алгоритмической лентой.

В российской исследовательской традиции эта проблема может быть уточнена через анализ гражданина в потоках цифровизации. Соловьёв (2022) показывает, что цифровая среда меняет не только технические каналы коммуникации, но и политико-культурные условия гражданского действия. Поэтому переход от гражданина к пользователю следует понимать не как исчезновение гражданства, а как изменение режима его осуществления. Либеральная демократия предполагает гражданина как участника публичного рассуждения, тогда как цифровая среда всё чаще конституирует индивида в режиме пользователя, включённого в экономику внимания и поведенческого прогнозирования.

Отсюда возникает вопрос об алгоритмическом авторитаризме. Цифровые технологии не создали авторитаризм заново, но снизили стоимость контроля. Биометрия, геолокация, цифровые платежи, базы данных, искусственный интеллект и платформенные следы позволяют государствам видеть общество с ранее недоступной плотностью. Интернет-шатауны стали устойчивым инструментом политического контроля (Access Now, 2026). Власть может контролировать и содержание коммуникации, и саму возможность связи.

При этом цифровой авторитаризм не следует изображать как всевидящий и безошибочный Левиафан. Искусственный интеллект и алгоритмическое управление усиливают возможности контроля, но любая предиктивная система сталкивается с ошибками данных, ложными срабатываниями, адаптивным поведением граждан и институциональными ограничениями (Anastasopoulos, Lian, 2026). С философской точки зрения важнее другое: цифровой авторитаризм стремится сместить контроль из области действия в область predisposedness. Классический авторитаризм подавлял политическую волю после её проявления; алгоритмический авторитаризм переносит внимание власти на более ранний уровень, связывая контроль не только с совершённым поступком, но и с вероятностью его возникновения, потенциальной девиацией и predisposedness к оппозиционному действию. Такой контроль осуществляется не только через наблюдение, но и через воображение наблюдаемости. Ему не обязательно знать всё. Достаточно создать у общества ощущение, что власть может знать достаточно много.

Изменение политической субъектности неизбежно ведёт к пересмотру проблемы суверенитета. Классическая политическая философия спрашивала: кто суверен? Государство отвечало: тот, кто устанавливает закон, контролирует территорию и обладает монополией на легитимное насилие. Цифровая эпоха добавляет другой вопрос: кто владеет инфраструктурой, без которой суверен не может действовать? Р. Громан и А. Коста Барбоза (Grohmann, Costa Barbosa, 2026) вводят понятие “sovereignty-as-a-service” – «суверенитет как услуга». Microsoft, Amazon и Google/Alphabet участвуют в переопределении цифрового суверенитета через облачные инфраструктуры. Государство стремится укрепить автономию, но нередко делает это через подключение к инфраструктурам, которые не контролирует полностью.

Российские исследования цифрового суверенитета позволяют уточнить этот тезис. Т. А. Кулакова и А. В. Волкова (2023) связывают цифровой суверенитет с политико-административными режимами, то есть с тем, как государство выстраивает контроль, открытость и управляемость цифровой среды. С. В. Володенков и С. Н. Федорченко (2025) рассматривают суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России как сложную систему, включающую технологические, информационные, политические и коммуникативные компоненты. Следовательно, цифровой суверенитет нельзя свести к технической автономии или локализации данных. Он касается вопроса о том, кто задаёт условия доступа, коммуникации, видимости и политического участия.

Кейс Palantir показывает, как технологическая корпорация может становиться инфраструктурным партнёром государства в сферах обороны, безопасности и управления данными. В 2025 году армия США заключила с Palantir десятилетнее соглашение с потолком до 10 млрд долларов, консолидировавшее десятки отдельных контрактных механизмов (U.S. Army, 2025). Этот факт не следует интерпретировать как буквальную передачу суверенитета частной фирме. Более точная формулировка заключается в другом: государство всё глубже встраивает частные технологические инфраструктуры в собственные управленческие и военные функции.

Big Tech не следует понимать как цифровые государства в строгом юридико-политическом смысле. Более точной является характеристика крупных технологических корпораций как частных инфраструктурных порядков, способных выполнять квазисуверенные функции: задавать условия доступа, видимости, коммуникации и участия. Apple, Google, Meta*, Amazon, Microsoft и Palantir не обладают всей полнотой государственного суверенитета и не заменяют государство. Но они создают частные порядки зависимости, внутри которых человек оказывается не только гражданином и потребителем, но и пользователем, зависимым от правил доступа, видимости и модерации.

Особенно отчётливо это видно в тех случаях, когда платформа становится не просто каналом сообщения, а средой формирования политического насилия. Оценка воздействия Facebook* на права человека в Мьянме показывает, что цифровая платформа может быть инфраструктурой распространения враждебных образов и коллективных страхов (BSR. Human Rights Impact Assessment: Facebook* in Myanmar. BSR, 2018. https://about.fb.com/wp-content/uploads/2018/11/bsr-facebook-myanmar-hria_final.pdf). Если раньше политический миф создавался государством, партией или идеологическим аппаратом, то теперь он может распространяться через рекомендательную систему и экономику вовлечения. Цифровой слом затрагивает здесь саму возможность политического сообщества.

На этом уровне диагностика кризиса переходит к вопросу о нормативных альтернативах. Если цифровой слом ограничивает применимость прежних моделей, одной критики цифрового авторитаризма недостаточно. В этой связи следует обратиться к цифровому конституционализму. И. А. Кравец (2024) рассматривает цифровой конституционализм и цифровое гражданство как способы осмысления участия в алгоритмическом обществе. В этой перспективе платформы не могут оставаться частными юрисдикциями, полностью определяющими правила речи, доступа и видимости. Если они выполняют функции публичной инфраструктуры, к ним должны предъявляться требования, сопоставимые с требованиями к политическим институтам.

Другая линия связана с демократизацией цифровой инфраструктуры. Публичные цифровые платформы, открытые протоколы, кооперативные формы владения данными и цифровые общественные блага пока не образуют полноценной политической альтернативы Big Tech. Однако они позволяют поставить вопрос

о том, кому принадлежит инфраструктура коллективного действия. Цифровой конституционализм и инфраструктурная демократия пока остаются скорее нормативными ориентирами, чем реальной силой. Но без них критика цифрового авторитаризма превращается в чистый пессимизм. Политический смысл этих проектов состоит в попытке вернуть субъекту способность действовать в среде, где его желания, внимание и поведение всё чаще формируются до уровня рациональной рефлексии.

Проведённый анализ позволяет уточнить исходный тезис. Кризис прогнозирования не сводится к тому, что Киссинджер (2014), Бжезинский (1999) или Фукуяма (2004) ошиблись в отдельных предсказаниях. Их построения располагались внутри политической онтологии, основными координатами которой выступали государство, территория, идеология и рациональный гражданин. Цифровая эпоха эти координаты не упразднила, но изменила их положение. Государство оказалось зависимым от внешних инфраструктур, территория дополнилась цифровыми средами, идеология стала распространяться через платформенные механизмы видимости, а гражданин всё чаще действует как пользователь.

Главный результат исследования состоит в том, что кризис прогнозирования предложено рассматривать как изменение прогностической онтологии общества. Это означает, что проблема заключается не только в неточности отдельных аналитических моделей. Меняется сама совокупность представлений о том, кто действует в истории, где расположена власть, как формируется публичность и какие формы знания позволяют говорить о будущем. Если в конце XX – начале XXI века прогноз строился преимущественно вокруг государства, территории, идеологии и институционального выбора, то в цифровую эпоху прогнозирование всё чаще зависит от инфраструктур, алгоритмов, платформ, данных и режимов управления вниманием.

Второй результат исследования связан с введением понятия инфраструктурно-алгоритмического горизонта ожиданий. Это понятие позволяет показать, что будущее сегодня формируется не только через идеологические проекты и политические программы. Оно всё чаще задаётся цифровыми средами, в которых риски ранжируются, события получают видимость, поведение прогнозируется, а политические реакции предварительно структурируются алгоритмическими механизмами. Поэтому цифровая инфраструктура выступает не внешним инструментом прогнозирования, а частью самой среды, где формируется представление о возможном.

Третий результат состоит в выявлении четырёх уровней кризиса прогнозирования. На темпоральном уровне происходит сжатие горизонта будущего и переход от проекта к управлению рисками. На субъектном уровне рациональный гражданин всё чаще замещается пользователем, чьё внимание и поведение включены в цифровые контуры предсказания и модификации. На публично-коммуникативном уровне общая реальность фрагментируется платформенными лентами, эмоциональной экономикой и алгоритмической видимостью. На суверенном уровне государство сохраняет юридическую власть, но его способность действовать зависит от инфраструктур, которые часто создаются и контролируются частными технологическими акторами.

Такой подход позволяет избежать технологического детерминизма. Цифровые технологии не являются самостоятельным субъектом истории и не предопределяют неизбежное наступление цифровой диктатуры. Они действуют внутри уже существующих социальных, экономических и политических отношений. Однако цифровая инфраструктура меняет форму этих отношений: ускоряет принятие решений, усиливает предиктивное управление, перестраивает публичную сферу и делает власть над вниманием одной из ключевых форм политического влияния. Поэтому корректнее говорить не о «власти технологий», а о новых конфигурациях власти, которые используют цифровые среды как условие управления, мобилизации, предсказания и контроля.

Выход из кризиса прогнозирования не может быть найден только в совершенствовании экспертных моделей. Необходима новая философия будущего, заново ставящая вопрос о политическом субъекте. Если гражданин превращается в пользователя, публичность замещается платформенным потоком, а суверенитет зависит от частных инфраструктур, прогнозирование утрачивает классическую основу и превращается в технику управления рисками.

Заключение

Провал крупных прогностических моделей конца XX – начала XXI века не следует понимать как простую ошибку отдельных мыслителей. Г. Киссинджер, З. Бжезинский и Ф. Фукуяма фиксировали фундаментальные координаты политической философии позднего модерна: порядок, пространство и легитимность. Однако цифровая эпоха выявила предел этих координат, поскольку власть всё чаще реализуется не только через государства, территории и идеологии, но также через инфраструктуры, алгоритмы, данные, платформы и режимы управления вниманием.

В статье предложена модель кризиса прогнозирования как изменения прогностической онтологии общества. Показано, что цифровой слом деформирует историческое время, переводя будущее в поле управляемых рисков; трансформирует политического субъекта, всё чаще действующего в режиме пользователя; фрагментирует публичную сферу платформенными лентами и алгоритмической видимостью; делает суверенитет зависимым от цифровых инфраструктур, находящихся под контролем частных технологических акторов.

Ключевым понятием исследования является инфраструктурно-алгоритмический горизонт ожиданий. Он обозначает ситуацию, при которой общественное представление о будущем формируется не только идеологиями, институтами и экспертными прогнозами, но также цифровыми средами, алгоритмами, платформами и механизмами управления вниманием. В результате прогнозирование всё чаще утрачивает характер проектирования желаемого будущего и превращается в технику администрирования рисков.

Кризис прогнозирования не означает невозможность мысли о будущем. Напротив, он выявляет необходимость новой социально-политической философии будущего, способной вернуть прогнозированию нормативное измерение: вопрос о свободе, ответственности, политическом субъекте и целях коллективного существования.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с сопоставлением моделей цифрового суверенитета, платформенной публичности и алгоритмического управления в разных политических режимах. В дальнейшем важно уточнить, при каких условиях цифровая инфраструктура усиливает кризис прогнозирования, фрагментацию публичной сферы и переход от гражданина к пользователю. Не менее значим и обратный вопрос: когда цифровая среда может поддерживать демократическое участие, публичную ответственность и долгосрочное общественное проектирование.

Примечание: * – организация признана в России экстремистской и запрещена.

Материалы исследования | Research materials

1. Access Now. Rising repression meets global resistance: Internet shutdowns in 2025. N. Y.: Access Now, 2026. <https://www.accessnow.org/internet-shutdowns-2025/>
2. Freedom House. Freedom on the Net 2025: An Uncertain Future for the Global Internet. Washington, DC: Freedom House, 2025. <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2025/uncertain-future-global-internet>
3. Information Commissioner's Office. Investigation into the Use of Data Analytics in Political Campaigns: A Report to Parliament. L.: ICO, 2018. <https://ico.org.uk/media2/migrated/2260271/investigation-into-the-use-of-data-analytics-in-political-campaigns-final-20181105.pdf>
4. U.S. Army. U.S. Army Awards Enterprise Service Agreement to Enhance Military Readiness and Drive Operational Efficiency. Washington, DC, 2025. https://www.army.mil/article/287506/u_s_army_awards_enterprise_service_agreement_to_enhance_military_readiness_and_drive_operational_efficiency

Источники | References

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1999.
2. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542>
3. Киссинджер Г. Мировой порядок / пер. с англ. М.: АСТ, 2014.
4. Кравец И. А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе: российский, сравнительный и международный контекст // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 6.
5. Кулакова Т. А., Волкова А. В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.108>
6. Соловьев А. И. Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/19>
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ; Ермак, 2004.
8. Черняховский С. Ф. О кризисе проектно-прогностической способности современной политической философии Запада // Полис. Политические исследования. 2025. № 2. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.13>
9. Anastasopoulos L. J., Lian J. The Limits of Authoritarian AI // Journal of Democracy. 2026. Vol. 37. No. 2.
10. Deleuze G. Postscript on the Societies of Control // October. 1992. Vol. 59.
11. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / trans. by A. Sheridan. N. Y.: Vintage Books, 1995.
12. Grohmann R., Costa Barbosa A. Sovereignty-as-a-Service: How Big Tech Companies Co-opt and Redefine Digital Sovereignty // Media, Culture & Society. 2026. Vol. 48. Iss. 2. <https://doi.org/10.1177/01634437251395003>
13. Habermas J. A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics / trans. by C. Cronin. Cambridge: Polity Press, 2023.
14. Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time / trans. by S. Brown. N. Y.: Columbia University Press, 2015.
15. Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / trans. by K. Tribe. N. Y.: Columbia University Press, 2004.
16. Lawrence M., Homer-Dixon T., Janzwood S., Rockström J., Renn O., Donges J. F. Global Polycrisis: The Causal Mechanisms of Crisis Entanglement // Global Sustainability. 2024. Vol. 7. <https://doi.org/10.1017/sus.2024.1>
17. Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity / trans. by J. Trejo-Mathys. N. Y.: Columbia University Press, 2013.

18. Rouvroy A., Stiegler B. The Digital Regime of Truth: From the Algorithmic Governmentality to a New Rule of Law // La Deleuziana. 2016. No. 3.
19. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. N. Y.: PublicAffairs, 2019.

Информация об авторах | Author information

Аликов Юрий Александрович¹

¹ Министерство финансов Российской Федерации, г. Москва

Yuri Aleksandrovich Alikov¹

¹ Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow

¹ Urich17.U@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.05.2026; опубликовано online (published online): 24.06.2026.

Ключевые слова (keywords): социально-политическое прогнозирование; цифровой слом; инфраструктурно-алгоритмический горизонт ожиданий; политическая субъектность; цифровой суверенитет; socio-political forecasting; digital rupture; infrastructural-algorithmic horizon of expectations; political subjectivity; digital sovereignty.